

Вэй Циншань вернулся с едой. Линь Юй первым делом поднёс чашку гээру Цину. Уставший мальчик жадно пил большими глотками, но, осилив полчашки, покачал головой.

Оставшееся выпил сам Линь Юй, Вэй Циншань протянул ему ещё одну чашку, но Линь Юй покачал головой: “Мне и этой хватит”.

Вэй Циншань, опасаясь, что тому будет мало, всё же плеснул ему ещё немного.

Он купил пять пирожков: себе и своему маленькому супругу — по одному мясному и одному с овощами, а мальчику — мясной.

Трое присели на корточки и начали есть. Линь Юю очень понравились пирожки из этой лавки: мягкое воздушное тесто, сочная и вкусная начинка. Вэй Циншань ел быстро, два-три укуса и пирожка как не бывало, после чего взял чашку и пошёл вернуть её в лавку.

Линь Юй ел неторопливо, он давно не пробовал пирожков, аромат стоял чудесный. Рядом с ним маленький гээр Цин держал пирожок в обеих руках и жадно уплетал, измазав рот жиром; ел так поспешно, словно давно не пробовал мяса.

Когда Вэй Циншань вернулся, он сложил оставшуюся зелень, а Линь Юй протянул ему половину своего овощного пирожка: “Я не доем”.

“Доедай. Вернёмся домой — там ещё приготовим”, — возразил Вэй Циншань.

Пирожки были небольшие и Линь Юю двух не хватало, а уж Вэй Циншаню и подавно. Но тот упрямо протягивал и Вэй Циншань наклонился и только откусил прямо с его руки: “Ладно, ешь сам”.

Лицо Линь Юя вспыхнуло, он поспешно убрал руку и принялся жевать.

А рядом с ним гээр Цин уже наелся досыта, облизал пальцы и громко отрыгнул.

Линь Юй перебрал оставшуюся зелень, продал ещё несколько пучков, а ту, что выглядела уже неважно и никому не нужна, оставил — не страшно, немного всего осталось, унесёт домой и сам съест.

Сытый и довольный мальчик сидел рядом спокойно, не шумел, и Линь Юй ласково потрепал его по голове.

Пока они ждали Сань Нян, Чжао Чжунь, прихватив лекарство, поспешно вернулся домой.

С утра он пригласил в дом лекаря из уездного городка, а тот визит обошёлся целым лянном серебра!

В деревенской аптеке он уже брал снадобья, но они не помогли: сын всё так же лежал в постели, стонал и охал, закутавшись в одеяло. Сегодня Чжао Чжунь вновь потратил два ляна серебра на лекарство. Сердце его разрывалось от боли, ведь серебро из свадебных даров Линь Юя почти всё ушло!

И не только сын, даже Цай Чуньхуа тоже охала и жаловалась. Лекарь сказал, что с ней ничего серьёзного, и Чжао Чжунь пожалел денег — лекарство для неё брать не стал.

На самом деле с Цай Чуньхуа и правда всё было в порядке, только стоило ей вспомнить о двух фазанах, которых у неё отняли, как её прямо разрывало от злости, грудь начинала ныть. Ведь это были её птицы! Настоящие разбойники!

Чжао Чжунь передал лекарство Чжао Юэнян:

“Свари для брата отвар”.

Ведь Чжао Дачжи был в их семье единственным учёным. В десять лет он уже сдал экзамен на ученика начальной ступени и даже наставник говорил, что у него необыкновенные способности. Чжао Чжунь только и мечтал, чтобы однажды сын стал господином и прославил отца, вот почему он решился снова потратить серебро и пригласить из городка лекаря.

Вспомнив, как сегодня в уезде увидел Вэй Циншаня, Чжао Чжунь недовольно фыркнул: “Во всём виноват он!”

Он вошёл в комнату Чжао Дачжи: “Дачжи, полегчало?”

“Отец, я хочу мясо”.

Лицо Чжао Чжуня на миг застыло: “Дачжи, сейчас тебе нельзя мясо. Когда поправишься — отец купит тебе мясо”.

Услышав это, Чжао Дачжи замахал ногами прямо в постели: “Я хочу мясо! Кхе-кхе... Я хочу мясо, кхе!”

От простуды он и так сильно ослаб, а от этого всплеска снова закашлялся. Под глазами выступили синяки, лицо побледнело, губы потрескались.

На шум вошла Цай Чуньхуа: “Дачжи, сынок!”

Теперь она и слышать не могла слово “мясо” — стоило его произнести, как у неё начинало колоть в груди. Её же два фазана! Так просто пропали!

Она подошла, чтобы поправить ему одеяло, но Чжао Дачжи, хоть и был болен, всё же оставался взрослым мужчиной: одним пинком отбросил её на пол.

“Хочу мясо! Дайте мне мясо!”

Цай Чуньхуа, охая и держась за поясницу, поднялась: “Ладно-ладно, мать купит тебе мясо, купит”.

И сразу протянула руку к Чжао Чжуню: “Давай серебро!”

“Нет!”

Цай Чуньхуа, говоря это, полезла к Чжао Чжуню: “Серебро, полученное в качестве свадебного дара от Линь Юя, ведь у тебя, отдай, отдай его мне!”

Они сцепились, начали драться, одежда Чжао Чжуна была разорвана. Загнанный в угол, Чжао Чжунь со злостью отвесил Цай Чуньхуа пощёчину: “Наглая!”

Цай Чуньхуа от удара опешила, но, придя в себя, снова ринулась на него: “Чжао Чжунь, ты посмел ударить меня? Ты посмел ударить меня!”

Лица обоих оказались исцарапаны и в конце концов Цай Чуньхуа вытащила слиток серебра и пошла на рынок купить мясо.

Чжао Юэнян, прячась на кухне, варила лекарство и боялась выйти. Она дрожала от страха, опасаясь, что мать её заметит и ударит.

*

А в это время в городке Вэй Циншань и Линь Юй ждали с полчаса, пока Сань Нян вернулась в спешке: “Простите, что заставила вас ждать”.

Линь Юй покачал головой: “Мы тоже только что всё продали”.

Они собрали свои вещи, готовясь возвращаться, и как раз получилось, что пошли вместе.

Деньги за дикие травы Линь Юй оставил себе, а Вэй Циншань за проданных фазанов получил сто девяносто вэнь, за кролика шестьдесят вэнь, всего двести пятьдесят. Этого всё ещё было

недостаточно, чтобы заказать кровать.

По дороге домой Линь Юй услышал писк цыплят. Обернувшись, он увидел в клетке жёлтых, белых, серых и пёстрых цыплят.

Вэй Циншань тоже заметил: “Давай купим несколько цыплят. К лету они уже будут нести яйца и тогда не придётся покупать”.

Линь Юй энергично кивнул. Ему самому хотелось завести кур: можно и яйца есть, и потом, когда подрастут, продать с прибылью.

Воодушевлённый, он присел на землю и выбрал несколько бойких и смелых. Положил их в корзину за спину. Он купил пятнадцать штук, по два вэнь за каждого. Линь Юй достал тридцать вэнь из денег, что только что выручил за травы.

Гээр Цин, прижавшись к плечу Сань Нян, радостно воскликнул: “Мама, цыплята”.

“Да, цыплята”.

Сань Нян продала свой отрез ткани, но на лице её так и не появилось ни малейшей улыбки.

Она шла, держа гээра Цина на руках. Тот посасывал пальчик и рассказывал, что ел мясную булочку и пил сладкую водичку. Сань Нян без конца благодарила Линь Юя и Вэй Циншаня, глаза у неё покраснели от слёз.

Линь Юй не понимал, отчего она так сильно растрогалась. Ну потратили они несколько вэнь, но ведь не до такой же степени.

Он не знал, что Сань Нян хотела бы дать им вэнь, но каждый раз, когда она продавала ткань, количество денег было строго рассчитано: свекровь назначала цену и если она продаст дешевле, дома её ждали бы упрёки.

А если сдавать ткань в лавку, то и вовсе не получить столько вэнь. Поэтому Сань Нян и ходила сама, устав таскать свой товар, лишь бы найти покупателей.

Дорога была неблизкой. По пути попадались бычьи повозки, подбирающие пассажиров, но Линь Юй считал, что тратиться не стоит. А маленький гээр Цин не мог пройти много сам и тогда Вэй Циншань взял его на спину. Сань Нян вновь и вновь благодарила, вытирая слёзы.

Линь Юй очень сочувствовал им. Казалось бы, у семьи Цянь дела идут неплохо, но одежда Сань Нян из грубой материи, сама она выглядела измождённой и даже ребёнок тоже. Видно, немало горя досталось им от старухи Цянь.

На обратном пути Линь Юй не чувствовал усталости — в его корзине за спиной чирикали купленные цыплята. Вернувшись, он уж точно будет заботиться о них как следует.

Дома они устроили цыплят в заднем дворе, под соломенным навесом. Сбоку поставили деревянную доску, чтобы цыплята не разбежались. Линь Юй хлопнул в ладони: “Когда стемнеет, пересадим их в курятник, а то вдруг крысы утащат”.

“Угу”, — откликнулся Вэй Циншань.

Разобравшись с делами, Линь Юй достал свой кошель. Он ведь ещё не считал, сколько выручил за дикие травы. Высыпал медяки на стол и стал пересчитывать один за другим. После того как потратил тридцать вэнь за цыплят, оставалось ещё сто пятьдесят!

Глаза у Линь Юя засветились — он и не думал, что его зелень так охотно раскупят. Вэй Циншань, стоявший рядом, смотрел, как его маленький фулан увлечённо перебирает медяки. Казалось, Линь Юй особенно любит это занятие — при счёте его глаза блестели.

Линь Юй протянул медяки Вэй Циншаню: “Ты ведь тратил серебро на кровать. Хватило?”

Вэй Циншань ответил, что немного потратил. Линь Юй не поверил: и дерево, и работа мастера — разве это “немного”?

Он взглянул на Вэй Циншаня жалобным взглядом и тот не выдержал — признался, что ушёл целый лян серебра.

Линь Юй вытащил из деревянного ящика маленький серебряный слиток: “Возьми, расплатись с людьми”.

Вэй Циншань принял серебро и улыбнулся:

“Хорошо, тогда спасибо моему маленькому фулану”.

Линь Юй убрал заработанные за день деньги в небольшой деревянный ларчик. Когда накопится достаточно, они с Циншанем смогут купить землю!

Ночью они легли спать пораньше. Линь Юй подумал, что пока свежих овощей ещё нет, он должен как можно больше собирать дикие травы и обменивать их на деньги. Ближе к рассвету редкие капли дождя застучали по крыше. Услышав звук, Линь Юй открыл глаза и приподнялся: “Циншань, дождь идёт?”

“Угу. Похоже, завтра тоже будет. Спи дальше, вставать так рано не надо. В дождь в горы лучше не ходить, по склонам неудобно”.

Линь Юй вздохнул с сожалением. Как хорошо было бы собирать травы каждый день: сто с лишним вэнь за раз! За десять дней он смог бы накопить целый лян серебра. Но как только эта пора пройдёт и всем надоедят дикие травы, чем тогда зарабатывать?

На следующее утро они оба впервые за долгое время позволили себе понежиться в постели, не вставая. За окном всё ещё тихо моросил дождь. Линь Юй, лежа на груди Вэй Циншаня, слушал стук капель.

Правда, долго он не выдержал, привычка к ранним подъёмам пересилила. Вскоре поднялся он, а за ним и Циншань.

Вэй Циншань пошёл кипятить воду, а Линь Юй, надев соломенную шляпу, отправился во двор выпустить цыплят. Накануне он боялся, что ласки или крысы утащат птенцов, поэтому специально придавил крышку курятника деревянной доской.

Выпущенные цыплята сбились в кучку возле соломы, радостно пища. На вид все были бодрые.

Рядом, на свободной площадке под навесом, стояли будки Дахэя и Байсюэ. Байсюэ лапой задел доску и Линь Юй поспешно одёрнул его: “Не пугай цыплят”.

Разобравшись с этим, он умылся и занялся завтраком. Поев, они сели в главной комнате. Дел у Линь Юя на время не осталось: одежду он уже подлатал, матрас сплёл.

Тогда Вэй Циншань взял соломенную шляпу и дощатый плащ: “Схожу в соседнюю деревню за мясом. В полдень поедем мясные пирожки”.

“Хорошо, тогда я сейчас поставлю тесто”.

Выйдя, Вэй Циншань оставил его одного в доме. Даже две собаки забрались в свои углы и не показывались. Линь Юй закончил замешивать тесто и уселся в зале смотреть на дождь. Он не любил дождливую погоду, ведь в хижине для дров, где он жил раньше, крыша протекала, и его одеяло всё время намокало, становилось сырым и холодным, укрываться им было мучительно неприятно.

Но теперь, хотя они жили в соломенной лачуге, крыша была уложена плотно, и дождь не просачивался ни капли. А ночью, когда Вэй Циншань обнимал его во сне, становилось тепло и уютно.

Пока Линь Юй ждал возвращения Вэй Циншаня, у двери появился высокий крепкий мужчина и дважды крикнул: “Фулан Циншаня, Циншань дома? Я плотник Ши”.

Линь Юй поспешно встал и потянулся за соломенной шляпой.

Но плотник Ши его остановил:

“Фулан Циншаня, не выходи, я только спросить, дома ли Циншань. Кровать уже готова, дождь прекратится — я её привезу”.

“Циншань ушёл, скоро вернётся”.

“Хорошо, тогда я пока пойду. Когда дождь кончится, приеду. Пусть брат Циншань поможет разгрузить кровать”.

“Понял”.

<http://bllate.org/book/15725/1407300>